

АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Аввакумъ протопопъ понужденъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ (понеже отецъ ему духовный иннокъ), да не забвенію предано будетъ дѣло божіе, и сего ради понужденъ бысть отцемъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего міра! поспѣши и направи сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы благими, яже нынѣ хошу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадаю, молю Ти ся и еже отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣмъ избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопагита о божественныхъ именѣхъ, что есть Богу присносущныя имена, истинныя, еже есть близостныя—и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый, Свѣтъ, Истина, Животъ*, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много, сія суть: *Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисіянскъ, Трїностасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же Діонисія о истинѣ: «себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть». Аще бо истина сущее есть, истинны испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти вѣсть). Мы же речемъ:

«Потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа, святато и животворящаго Духа». По Діонисію: коли ужь истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—нѣсть того въ немъ: Присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ символѣ вѣры не глаголати *Господа*, винословнаго имени, нежели «*истиннаго*» отсѣкати, въ немъ же существо божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоа имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за Него же страждемъ и умираемъ помощію Его владычню. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его сице пишетъ. Сей убо есть во истинну истинный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Христа и тѣмъ благоразумія стяжавъ, изступивъ убо себѣ, не сый въ мірскомъ ихъ нравѣ и прелести; себя же вѣсть трезвяща и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истинны ради, но и вѣденіемъ скончевающесе всегда, разумно же живуще и христіане: суть свидѣтельствуемы. Сей Діонисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла Апостола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не приити въ вѣру христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вѣшнихъ быти, яко уметы. Къ Тимофѣю пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: «дитя! али не разумѣешь, яко вся сія вѣшныя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азь проидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету». Чтый да разумѣетъ: исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріаща, во еже спастися имъ, и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйствольсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимуть невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостоль, зачало 275. Сей Діонисій еще не приидохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распатія Господня, бывъ въ Солнечномъ Градѣ, и видѣвъ: солнце во тьму предложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явилися чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глаголя: «или кончина вѣку пріиде, или Богъ Слово плотію страждетъ;» понеже не по обычаю тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣніи.

Той же Діонисій пишесть о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменія творя, или во гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ подъ солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ божій къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ—отъ востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ солнце.» А въ нашей Россіи бысть знаменіе: солнце затмилось во 162 году предъ моромъ за мѣсяць или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архіепископъ Сумеонъ сибирскій, и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковные, и сего ради Богъ изліялъ фіалъ гнѣва ярости своей на русскую землю. Зѣло моръ великъ былъ; нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ годовъ съ 14-ть, въ другой рядъ затменіе солнцу было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ 6-й тьма бысть, солнце померче, луна подтекала отъ запада, гнѣвъ Божій являя: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти и на утрени ¹⁾ въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ землѣ нашей за нестроеніе церковное. Говорить о томъ полно: въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣствъ.

Той же Діонисій пишесть о знаменіи солнца, како бысть при Исусѣ Навинѣ во Израили. «Егда Исусъ съѣий иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдень. Ста Исусъ крестообразно, сирѣчь распротрѣ руцѣ свои; и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби; возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ ноци 34 часа, понеже въ 10 часъ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езе-

¹⁾ По другому списку: на Утрину.

кии царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспять во второй на-
десять часъ дня и бысть во дни и въ нощи 36 часовъ.» Чти
книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣшь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ; росписуетъ,
возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, разделяя 9-ть чи-
новъ на три Троицы.—Престоли, Херувими и Серафими освя-
щеніе отъ Бога приѣмлютъ и сице восклицаютъ: «Благословен-
на слава отъ мѣста Господня!» и чрезъ сихъ переходитъ ос-
вященіе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Вла-
сти. Сія Троица, славослова Бога, восклицаетъ: «аллилуія, ал-
лилуія, аллилуія!» по алфавиту: *аль* Отцу, *аль* сыну, *аль* Духу
святому. Григорій Нисскій толкуетъ: аллилуія — хвала Богу;
а Василій Великій пишетъ: «аллилуія — ангельская рѣчь, че-
ловѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!» До Василія пояху въ
церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда
же бысть Василій, и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а тре-
тью, человеческую сице: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!
У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣ-
вающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской
блуди. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицево: аллилуія,
аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице
поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица: Силы, Ар-
хангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященіе приѣмля, по-
ютъ: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣъ, исполнь небо и зем-
ля славы Его! Три тричисленно и сіе воспѣваніе. Пространно
Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи: явилася уче-
нику Евѳросина псковскаго, именемъ Василю. Велика во ал-
лилуіи хвала Богу, а отъ зломудствующихъ досада велика.—
По Римски святую Троицу въ четверицу глаголють, Духу и
отъ Сына исхожденіе являютъ, еже и проклято се мудрова-
ніе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего на-
чинанія злаго о Христъ Ісусъ, Господь нашъ, Ему же сла-
ва, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Аванасій Великій рече: «иже аще кто хочетъ спастися,
прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каеволическая вѣра,
еже аще кто цѣлы и непорочны не соблюдеть, кромѣ
всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣраже каеволи-
ческа сіа есть: да будетъ, Бога въ Троицѣ и Троицу въ еди-

ницѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо. Инъ бо есть составъ Отець, инъ Сыновенъ, инъ Святаго Духа; но отчее и сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отець таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святой; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святой; несозданъ Отець, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святой. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданный, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святой; равно непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святой: обаче не три вседержителя, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ приспосущный. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). Заблагодать щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,—Слово Божіе, въ двѣ чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа Свята и Маріи дѣвы вочеловѣчлься, насъ ради пострадалъ, воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хоцетъ паки принѣти судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Егоже царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отець), рече Отець Сынови: «Сотворимъ чловѣка по образу нашему и подобію.» И отвѣща другій: «Сотворимъ, Отче!» И приступи убо и паки рече: «О однородный Мой! о святе Мой! о Сыне и Слове! о сіяніе славы моея! аще промысляеши созданиємъ своимъ, подобаеть Ти обѣщися въ тлимаго чловѣка, подобаеть Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити.» И отвѣща другій: «Буди, Отче, воля Твоя.» И по семъ создася Адамъ». Аще хоцещи пространно разумѣти, чти Маргарить, слово о вочеловѣченіи: тамъ обрящещи. Азъ кратко помянуль, смотрѣніе показуя. Сиче всякъ вѣруай не постыдится; а невѣруай осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по

вышереченному Аванасію. Сиде азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сиде исповѣдую, съ самъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божію. Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той ноци возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣсть обыкохъ по вся ноши молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, и я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица, сиротина жъ, безпрестанно обыкла ходити въ церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ купецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умре, послѣ его все истошилось. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ Божіей тако. По семъ мати моя отшедь къ Богу въ подвижѣ велицѣ. Азъ же отъ изгнанія преселихся во ино мѣсто, рукоположенъ во діаконъ 20 лѣтъ съ годомъ, и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ. Живыи въ попѣхъ 8 лѣтъ, и потомъ совершень въ протопопы православными епископы, тому 20 лѣтъ минуло; а всего 30 лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшныи, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію, годовъ будетъ тому съ полтредьятцать. Егда еще былъ въ попѣхъ, приде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененна, блудному дѣлу (и малакии всякой) повинна, нача мнѣ, плакавшися, подробну возвѣщати въ въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же троекаянный и врачъ самъ разболѣлся, внутри жгомъ огнемъ блуднымъ, и горько бысть мнѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и дер-

жалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе и, отпустя дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, вляквися предъ образомъ господнимъ, яко и очи опухли; и моляся прилежно, да отлучить мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горьцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечніи при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывутъ стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормищику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: «чіе корабли»? а они отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентьевъ». Сія быша ми духовніи дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончались богоугодно. А се потомъ вижу: третій корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, красно и бѣло, и сине, и черно и пепельно, его же умъ человекъ не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтелъ, на кормѣ сидя, прави, и я вскричалъ: «чей корабль»? и сидяй на немъ отвѣщаль: «твой корабль; доплывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь». И я, вострепетавъ и, сѣдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?

А се по малѣ времени,—по писанному,—объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратитъ къ матери; и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе божимъ мановеніемъ, и онъ устрашися, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволь: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю. Таже инъ начальникъ во ино время на мя разсвирепѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песь, зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни; и, егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и,

близь меня бывъ, запалилъ изъ пистола и божіею волею на полкъ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи, молюсь Богу, единою рукою оствѣнилъ его и поклонился ему; онъ меня лаетъ, а я ему рекъ: «благодать во уствѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!» По семь дворъ у меня отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то же время родился сынъ мой Проконій, который сидитъ съ матерію въ землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати некрещенаго младенца, побрели, а може Богъ наставитъ, и на пути крестили якоже Филипъ каженника древле. Егда же азъ прибрълъ къ Москвѣ, къ духовнику протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Іоанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почалъ съ тѣхъ поръ знати. Отцы же грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ хранинъ и я паки завелся, и діаволъ паки воздвигъ на меня бурю.

Придоша въ село мое пясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христвѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полъ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичъ Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвея, *брадобридца*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудносный* образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня: у царя на стѣнахъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строить своя люди.

На первое возвратился. Также инъ начальникъ на мя разсвирепѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору моему, стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: «Господи! укроти его и примири, ямиже вѣси, судьбами». И побѣжалъ отъ двора,

гонимъ Свѣтымъ Духомъ. Таже въ ночь ту прибѣжали отъ него и зовуть меня со многими слезами: «Батюшко! Евфимій Степановичъ при кончинѣ и кричить неудобно, бьетъ себя и охааетъ, а самъ говоритъ: «дайте мнѣ батьки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И я чаялъ, меня обвиняють: ужасеся духъ мой во мнѣ и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, извѣдый мя изъ чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе устроилъ: аще меня задушатъ и ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ Захарією пророкомъ; аще въ воду посаждать, и Ты яко, Стефана Пермскаго, паки освободиши мя!» И моляся поѣхалъ въ домъ къ нему, Евфимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: «Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «Чудно! давеча былъ бладинъ сынъ, а тепереча батюшко; больше у Христа того остра шелануга та; скоро повинился мужъ твой.» Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Евфимій, палъ предъ ногами моими, вопить неизреченно: «прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою»;—а самъ дрожить весь и я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цѣль быти?» Онъ же лежи отвѣща: «ей! честный отче!» и я рекъ: «Востани, Богъ проститъ тя». Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ востати и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христось изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовныя, изрядны, рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

По малѣ паки инѣи изгнаша мя отъ мѣста того въ другой рядъ. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божією волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставитъ въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволь научилъ поповъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ челоувѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было) среди улицы, били батошьемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ

избной уголь. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ унижалъ отъ блудни, вопятъ: убитъ вора блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ».—Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Данила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печалень: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ;—опять кручина: На что де городъ покинулъ? И жена и дѣти и домочадцы чело-вѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались, невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!

По семъ *Никонъ другъ нашъ* привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его прїѣзду духовникъ Стефанъ, моля Бога и постясь седмицу съ братією и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: «Преосвященному митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая». Егда же прїѣхалъ, съ нами яко лись, челомъ да здорово: вѣдаетъ что быть ему въ патріархахъ и чтобъ отъкуля помѣшка какова не учинилось, много о тѣхъ козняхъ говорятъ. Егда поставили патріархомъ, такъ друзей не сталъ и въ крестовую пускать и сей ядъ отрыгнуть.

Въ постъ великій прислалъ память къ казанской къ Неронову Іоанну. (А мнѣ отецъ духовный былъ, я у него все и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ къ Спасу, на Силино покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія, то и держался: чель народу книги, много людей приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ

годъ, число «по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестились». Мы же задумались, сошедшия между собою: видимъ, яко зима хошетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страдавія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ, таже коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Данилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даниломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣиъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того вскорѣ схвативъ Никонъ Данила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвелъ въ Чудовъ въ хлѣбню и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрьмѣ уморили. Послѣ Данилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Данила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ Симоновъ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный монастырѣ, потомъ въ Кольскій острогъ и напоследокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣднѣй: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ горе! Всякъ мняйся стояти да блюдется, да ся не падеть: люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасетъ и помиуетъ насъ, яко благъ и человекѣлюбецъ. Таже меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, человекъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховъ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палату, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ

во тѣмѣ, сидя кланяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день приаченъ, сирѣчьѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человекъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпю къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штець далъ похлевать, зѣло превкусны хороши, и рекъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію», Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только человекъ, а что же ангелъ, ино нечему дивиться: вездѣ ему не загорожено. Наутро архимандритъ съ братією пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патриарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы деруть и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгають, и въ глаза плюють. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа Муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса снялъ патриархъ со главы у архидіакона дискось и поставилъ на престолъ съ тѣломъ христовымъ и съ чашею. Архимандритъ чудовской Терапонтъ внѣ алтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла Христова! пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискось, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку почью и стрѣльцовъ на караулѣ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту ночь шубу новую да шапку далъ; а наутро Никону сказали и онъ, разсмѣявся, говоритъ, «Знаю су а пустосвятителъ тѣхъ»; — и шапку у него отнялъ, а шубу у него оставилъ.

По семъ паки меня изъ монастыря водили пѣшаго на патріарховъ дворъ; также, руки растена, и стязався много со мною, паки также отвели. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телегѣ возли противъ крестовъ. И привезли къ соборной церкви стричь, и держали въ обѣдню на порогѣ долго. Государь съ мѣста сошелъ и, пристуия къ патріарху, упросилъ не стричь: и отвели въ сибирской приказѣ, и отдали діаку Третьяку Башмакову, что нынѣ страждеть же по Христвѣ—старецъ Савватій, сидитъ на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Таже послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, большую въ телегѣ и повезли до Тобольска; 3000 верствъ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и саньми половину пути.

Архіепіскопъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія бѣды постигоша меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепіскопля двора дякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съѣхалъ архіепіскопъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученьемъ напалъ на меня: церкви моея дяка Антона мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инъ день пріиде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсъ; и я, покиия вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мятежъ, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи человекъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принявъ, паки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И въ полунощи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божьимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я съ мѣсяць отъ нихъ, бѣгаючи втай; иное въ церкви

ночую, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился,—ино не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ чернцахъ, а послѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ; въ соборной церкви съ діакonomъ Аванасіемъ меня стригъ: тогда добръ былъ, а нынѣ діаволъ поглотилъ его. Потомъ пріѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правильною виною его Струну на цѣпь посадилъ за сіе. Нѣкій человекъ съ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взявъ и не наказавъ мужика, отпустилъ. И Владыка его сковать приказалъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же Струна ушелъ къ воеводамъ въ приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Воеводы отдали его сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову за приставъ. Увы! погибель пришла на дворъ Петру, аще и души моей горе тутъ есть. Подумавъ Архіепископъ со мною, по правиламъ за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать въ недѣлю православія въ церкви большой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ въ церковь, браня Архіепископа и меня, и въ той часъ изъ церкви пошедъ, и сбѣялся, ко двору своему идучи, и умре горькою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло его среди улицы собакамъ бросить, даже граждане оплачуть его согрѣшеніе; и сами три дня прилежитѣ стужили Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, такову пагубу себѣ пріялъ, а по тріехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семъ указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никоннову. Въ тоже время пришла съ Москвы грамотка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ моръ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліялъ Богъ на царство фіалъ гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: «Три пагубы за церковный раздоръ: моръ, мечъ, раздѣленіе». То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ покаянія ради, и помилуетъ насъ; прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурію везти, — двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы, — и отдать меня Аванасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человекъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человекъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурю дощеникъ мой: совсѣмъ налилса среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребяты кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи! спаси! Господи! помози!» И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человекъ сорвало и утонули въ водѣ. По семъ, оправяся на берегу, и опять поѣхали впередъ. Егда пріѣхали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, пловать пострищися въ монастырь. А онъ Пашковъ сталъ ихъ ворочать и хочетъ за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаетъ таковыхъ за мужъ давать». И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердася. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи». О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змїи великія; въ нихъ же витають гуси и утицы—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индійскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами вѣдати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало:

«Человѣче! убойся Бога, сѣдѣщаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещуть небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешъ и неудобство показуешь» и прочая... Тамъ многогнко писано и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стоялъ я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и бѣдятъ, и дрожатъ, аиныя, глядя, плачутъ на меня; желѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ идрожитъ; началъ мнѣ говорить: «Попъ или распопъ?» И азъ отвѣщаль: «Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до мене?» Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и наки въ голову и сбиль меня съ ногъ и, чепъ ухвата, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболочши, по той же спинѣ 72 удару кнутомъ. И я говорю: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ!» Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: «полно бить то»; такъ онъ велѣлъ перестать. И я промовилъ ему: «За что ты меня бьешь: знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и оустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ всю пощъ, подъ капелью лежалъ; какъ были, такъ небожно было съ молитвою то; а, лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя сталъ; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣроваль, и ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ». Будто добрый человѣкъ, другой фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! аще Іовъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непороченъ; а се и писанія не разумѣлъ, виѣ закона въ странѣ варварстѣй, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрѣпляемъ: «яко многими скорбьми подобаеъ намъ внити въ царство небесное»; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеникъ—отъ въ воду не погрязъ со

мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожало, да и умирать сталъ; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не помишаетъ нашихъ беззаконій первыхъ, покаенія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предъ повезли. Егда прѣехали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка черезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что поплыветъ, ино въ щепы изломаеть. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко просто; леть вода по брюху и по спинѣ,—пуждно было гораздо. Изъ лодки вытаща, по каменію скованна около порога тащили; грустно гораздо, да душѣ добро: не пеняю уже на Бога. Въ другой рядъ на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: «сыне! не пренегай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ: Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; біеть же всякаго сына, егоже пріемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сынѣмъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія пріобщаетесь Ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими рѣчами тѣшилъ себя. По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной баннѣ; тамъ зима въ тѣ поры живеть да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломокѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, а ихъ скуфьею билъ,—и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости»; но воля божія возбранила, вельдно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ амацатами и съ собаками жилъ скованъ зиму всю; а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Баба ее Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова рождества: и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеною тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать; я его и не видалъ;—приволокся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята была; а иное осталось. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ; по Шилкѣ рѣкѣ заставлялъ меня ляжку тянуть: зѣло нуженъ ходъ ею былъ. И поѣсть было неколи нежелати спать; лѣто цѣлое мучился отъ водяныя тяготы; люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочились. На той же Шилкѣ въ третій тонулъ: барку отъ берегу оторвало водою; людскія стоять, а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчалю. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице! помози! Упованіе! не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ суммахъ, все съ тѣхъ мѣстъ перегнило. А Пашковъ опять меня же хочеть бить: «Тыде надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ». И я паки свѣту Богородицѣ докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она надежда уняла: сталъ по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргѣя озера: волокъ тутъ, стали зимою волочиться; моихъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня наняться не велить, а дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотяхъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской, стало нечего ѣсть, люди учили съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы немилостивыя, палки большіе, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокиа,—огонь да встриска, — люди голодные: лишь стануть мучить, ано и умереть. Ахъ времени тому! не знаю, какъ умъ отъ него отступился. У протопопицы моей однорядка московская была не изгнила: по русскому рублю съ

полтретьдцать и больше, по тамошнему далъ намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулись, на Перчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися: всѣ люди съ голоду переморилъ, никуда не отпускалъ промышлять, осталось небольшое мѣсто, по стенамъ скитающеса, и по полямъ траву и кореніе копали; и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ и, что получать, всякую скверну. Кобыла жеребенка родить, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ, и кнутомъ до смерти забьетъ: а кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не почину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову проявилъ, а они и выдернули да почали черовъ скверную ѣсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеса по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеса, кое какъ мучилися. И самъ я грѣшный волюю и неволюю причастникъ кобылымъ и мертвечьимъ сквернымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сладостми? Но помогала намъ по Христу боляриня, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его Аванасьева Фекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда приплютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется, четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопить и передать, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребетъ. Дочь моя бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонять отъ окна безъ вѣдома боляринина, а иногда и многонокъ притащить; тогда не велика была, а нынѣ ужъ ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сестрами перебиваяся кое какъ, плачущи живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жъ дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за божіею помощію, на томъ положено и помучиться

ради вѣры христовы. Любилъ протопопъ со славными знать—ся, люби же и терпѣть горемыка до конца; писано: «не начный блаженъ, но скончавый». Полно того: на первое возвратемся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а во иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы, — сѣнныя его были, — Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ: ворожа и колдуя много надъ ними, и видить, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучить: бьются и кричать. Призвалъ меня и поклонился мнѣ, говоритъ: «Пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщаль: «Господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искусть то на Руси бывало; человѣка три четыре бѣшенныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа, сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя христово, и сила божія изгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, — не по достоинству моему, никакъ же, но по вѣрѣ входящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ рысицею, при Сисниіи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ. Богъ идѣже хочетъ, побѣждаетъ естества чинъ. Чти житіе Θεодора Эдесскаго; тамо обращени: и блудница мертваго воскресила; въ Кормчей писано: «не всѣхъ Духъ Святой рукополагаетъ, но всѣми кромѣ еретика дѣйствуетъ». Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшенныхъ; я по обычаю самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой вейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учились дочери духовныя; осердился на меня опять пуще стараго; хотѣлъ меня въ огнѣ сжечь: «ты-де вывѣдываешь мои тайны». А какъ причастить, не исповѣдавъ? а не причастить

бѣшеннаго, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсъ—отъ вѣдъ не мужикъ—батога не боится, боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаю, въ римской вѣрѣ творять такъ, не брегуть о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаеть, но на всяко время покаяніе искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ тайнъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, вздохни предъ Владыкою, и по выше рѣченному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ: по постѣ и по правилѣ на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложичку почерпни и часть тѣла Христова съ молитвою въ воду на ложку положи, кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси Христось, Сынъ Бога живаго» (писано въ чипѣ причащенія); потомъ, падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и прекрестяся, съ молитвою причастися, и водичкою запей и пакы Богу помолись:—«ну слава Христу!» хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо: полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранить меня вмѣсто благодаренія. Онъ чаялъ: Христось просто положить, ино стали пуще и стараго бѣситься; заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онъ его дровами бросають,—и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступить ко двору не смѣю: больно сердить на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напонтъ и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя Христово масломъ, такъ опять далъ Богъ стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молитъ-

ся Богу. Изрядны дѣтки стали, играть перестали и правль-ца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русь; пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робять и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брѣли пѣшии, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопопица бѣдная бредеть бредеть да и повалится, скользко гораздо; въ иную пору бредучи, повалилась, а иной томной же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричать, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: «матушко государыня! прости!» а протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самья смерти». Она же, вздохна, отвѣчала: «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогаая; Богъ такъ строилъ. На нартъ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придеть. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублей при ней плюново дѣло! жалю! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или, и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры все переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала; чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была, да полно того говорить:

у Христа не сего дня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ челоувѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Хри-стѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и челоувѣка ради.

Таже поволоклись паки на Иргень озеро. Боарыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наѣлись. Кормилица моя была Евдокія Кириловна, а и съ нею діаволь ссорилъ сице: сынъ у нея былъ Сумеонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благословія и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпущу: дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилось меня дома, занемогъ младенець. Смалодушничавъ она и осердясъ на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межъ нами прѣ велика стала бытъ; младенець пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдаетъ, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришель; пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна.» И ожидаю поканія ея. Вижу, яко ожесточилъ діаволь сердце ея; припалъ ко Владыкѣ, чтобъ образумилъ ее. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами просить прощенія матери своей, ходя и кланяяся около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопица въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь прилучилось: одежды не стало, а зимовье каплетъ: всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Арееы кодуны.» Потомъ и больнаго принесли; велѣла больнаго предъ меня положить: и всѣ плачутъ и кланяются. Я су всталъ, добылъ въ грязи патрахълъ и масло священное нашель; помоля Бога и покадя младенца, помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водю святою его наполнил и къ матери послалъ. Виждь, слышателю: поканіе матери колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцѣлила. Чему бытъ? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ, а намъ то голоднымъ надобъ, и съ тѣхъ мѣстъ помирились.

Выѣхавъ изъ Дауръ, умерла маленькая на Москвѣ, я и погребаль въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, она ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: «Спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла.» И въ то время нищи довольно прислалъ, а опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытатъ, слушай за что. Пускалъ онъ сына своего Еремѣя въ мунгальское царство воевать; козаковъ съ нимъ 72 человекъ да иноземцевъ 20 человекъ; и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастли ся имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать, вертя его много и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился, и пѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будетъ назадъ.» И воеводы рады; и всѣ люди, радуясь, говорятъ: «богаты прїѣдемъ!» Охъ! души моей тогда горько и нынѣ не сладко. Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведѣвичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи! хочещи ли речевѣ, да огнь снидетъ съ небесе и потребить ихъ, якоже Ілія сотвори? обращай же Ісусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческій не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша во ину весъ.» А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвнѣ своей кричалъ съ воплемъ ко Господу: «Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю Небесный! свѣтъ! послушай мене! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устройши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!» И много того было говорено, и втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь излаялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью потѣхали по звѣздамъ. Въ то время жаль мнѣ ихъ: видить душа моя, что имъ побитымъ быть, и самъ таки на нихъ погибели молю; иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я имъ

говору: «погибнете тамъ.» Какъ побѣхали, лошади подѣ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли. Ужась на всѣхъ нацалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: «чтобы батюшка государь помолился за меня;» и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ и страдалъ за меня. (Какъ меня кнудомъ отецъ его билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріѣхали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аванасіевъ дощеникъ, — снасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ и не могли взвести: взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ его льется, а въ него нейдетъ: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на берегу, боярыня въ дощеникъ, и Еремѣй сталъ говорить: «батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопона того кнудомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, къ соснѣ отклонясь, прижавъ руки, а самъ *Господи помилуй* говорятъ. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пищаль, никогда не жеть, приложася на сына, курокъ спустилъ, и божіею волею осѣклася пищаль. Онъ же и въ третіе также сотворилъ, пищаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ иначе на камени подѣ водою лежитъ. Сѣлъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говорить: «согрѣшилъ, окаанный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопона билъ, за то меня наказуетъ Богъ.» Чудно, чудно по писанію, яко *косецъ Богъ во тпльзъ, и скорз на послушаніе*. Дощеникъ самъ, покаяннїа ради, сплылъ съ камени и сталъ посомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ, призвавъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости Еремѣй: правду ты говоришь!» Онъ, прискоча, поклонився отцу, и рече: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предѣ Богомъ и предѣ тобою виновать.» И, взявъ отца подѣ руку, и повелъ; гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человекъ; ужъ у него и своя сѣда борода,

а гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и надобѣ такъ: Богъ любить тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отцевъ. Виждь, слышателью: не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради креста и правды его? а мнѣ сказывалъ кормщикъ его Аванасьева дощеника, тутъ былъ, Григорій Шальной. На первое возвратимся). — Отъ меня отошли, побѣхали на войну; жаль стало Еремѣя мнѣ; сталъ Владыкъ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огонь расклатъ, хочеть меня пытать; а ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стрипанье: послѣ огня того мало у него живутъ; и самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля Господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ.» А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло Господне и неизреченны судьбы Владычни! Еремѣй раненъ самъ другъ дорожкой мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей вскрикалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины. И Еремѣй, поклоняся съ отцемъ, вся ему подробнѣ возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все безъ остатку, и какъ его увелъ иноземецъ отъ мунгольскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человекъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу рассказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возведъ очи своим на меня, — слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ, — вздохня, говорить: «такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говорилъ: «батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;» я и пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Переменная ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ побѣхалъ, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: «хотя де и одинъ побѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.» Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ: дро-

жали и боялись; а я мѣсяць спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, чловѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 насъ чловѣкъ, въ лодку сѣдше, уповаю на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего небаяся. Книгу Коричую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василя выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя голова искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаются о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за нимъ погоня, дѣтъ стало негдѣ; я су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ его, положи на дво въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: «матушка! опочивайте; итакъ ты государыня горя натерпѣлась.» А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: «нѣту его у меня,» — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошлани съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется не велико ли мое согрѣшеніе? При Раавъ блудницѣ она, кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похваляетъ за то, и вы, Бога ради, порасудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, припашите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощеніе или епитимію, понеже мы за одно воровали, — отъ смерти чловѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насъ Христось не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла; припашите же чтонибудь. (Старецъ: *«Богъ да проститъ тя и благословитъ во семъ вѣцѣ и во будущемъ, и подружію твою Анастасію и дщерь ва-*

шу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно, Аминь). Добро, старецъ: спаси Богъ на милостынь; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5,6, мясо, засуша; и тѣмъ лѣто питались, пло-вучи. Доброй прикащикъ человекъ, дочь у меня Ксенію кре-стилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мѣт мѹра и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его кре-стилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей кре-стилъ съ кумомъ съ прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аванася сына кре-стилъ и, обѣдню на Мезени служа, причастилъ и дѣтей сво-ихъ, исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены сво-ей. Есть о томъ въ правилахъ: велѣно такъ дѣлать; а что запрещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить, гузно тру; меня бла-гословляютъ московскіе святители Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ; я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою со-вѣстію и служу, а отступниковъ отвращаюся и клянѹ: враги они божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи; хотя на меня каменіе накладываютъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каменіемъ лежу, не только подъ шпыньскою воровскою, нико-ніанскою клятвою. Охъ! и что много говорить? плюнуть на дѣйство то и службу то ихъ, да и на книги тѣ ихъ новоиз-данныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ уго-дить Христу и пречистой Богородицѣ, а про воровство ихъ полно говорить. Простите, Никоніаны, что избранилъ васъ; живите, какъ хотите; стану опять первое горе говорить, какъ вы меня жалуετε, подбиваете.

20 лѣтъ ужъ прошло, еще бы хотя столько же Богъ посо-билъ мучиться отъ васъ, ино бы и было съ меня о Господѣ Богъ и Спасъ нашемъ Ісусъ, а за тѣмъ сколько Христось дастъ только и жить. Полно того и такъ далеко забрелъ; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Дауръ, стало нищи скудаты и съ братією Бога помолити и Христось далъ намъ и зубра, большого звѣря, тѣмъ и до Байкалова доплыли. У моря русскихъ людей наѣ-хало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе

намъ я, съ корбасомъ насъ съ моря ухвата, далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачуть миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно, — осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ; возьми себѣ всю». Я, поклонясь имъ, рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: «на что мнѣ столько?» Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстъ. Егда къ берегу пристали, возстала буря вѣтренная, и на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ волнъ; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богодѣлано. Лукъ на немъ растеть и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же ростутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ травы красныя и цвѣты, и благовонны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко свѣгъ плавають; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и нерпы и заиды великія въ немъ, въ океанѣ морѣ большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, суеть который уподобится, дніе его яко снѣ преходять; скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съестъ хочеть, яко змія; ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно, безъ правила спить, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ исчезаетъ; не вѣмъ, камо отходить,—или восвѣтъ, или во тьму: день судный ко егождо явить. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Тоже въ русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалаясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдую ли слово божіе,

или скрѣпился гдѣ? Жена и дѣти связали меня. И види меня печальна, протопница моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробно извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; доворить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! Что ты Петровичъ говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: *«привздался ли жеши не иши разръшенія; егда ошръшишися, тогда не иши жеши;»* азъ ты и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изводитъ; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывая; силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую!» Я су ей за то челомъ и, отряси отъ себе печальную слѣпоту, началъ по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимоваль и паки, лѣто пльвши, въ Тобольскѣ зимоваль и, до Москвы вѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лесь. Та же прѣехалъ къ Москвѣ. Три годы вѣхали изъ Дауръ, а туда волокъ пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищъ; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человекъ погубили христіанъ; а, надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоитъ: ждуть березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и побить; а я, не вѣдаючи, и прѣехалъ къ нимъ; и, прѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, и я су, вышедъ, обниматься съ ними, что съ черницами, а самъ говорю: «Христосъ со мною и съ вами той же!» И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицомѣрится, какъ въ мірѣ лесь совершается; и бабы удобрилися, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бывають добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Прѣехалъ въ Тобольскъ, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь Башкир-

ды съ Татарями воевали тогда. И я, уповаю на Христа, ѡхалъ посредѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ ты, протопопъ, проѣхалъ?» И я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь».

Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела божія пріѣша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Феодору Ртицеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дни и три нощи домой меня не отпускалъ, и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукъ поставитъ велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобъ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставитъ на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣтъ? Жаль! о су видишь, каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ, я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрѣщу, и смерть поминая, яко вся сія мимоидеть. А се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ снѣ возвѣщено: «блюдися отъ мене, да не долма разтесанъ будеши». Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужасъ велицъ, а самъ говорю: «Господи! не стану ходить, гдѣ по новому поютъ, Боже мой!» Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ пріѣзду смотрилъ у нихъ просфирописанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя; а самъ имъ ругался, а какъ пріѣ

выкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христось свѣтъ попужалъ и рече ми: «По толикомъ страданіи погибнуть хочещи? блюдися, да не полма разсѣку тя». Я ко обѣдни не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія благодѣянія забыть? Егда въ Даурахъ я былъ на рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по озеру бѣжалъ на базлукахъ (тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты намерзають, близко человекѣка толщины); — пить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ, идти не могу, среди озера сгало, воды добыть нельзя: озеро версть восемь; сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый изъ камня воду въ пустыни людемъ, жаждущему Израилю, тогда и днесъ Ты еси! напой мене, имиже вѣси судьбами, Владыко Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмь азъ, умерый песь? Затрещалъ ледъ предо мною и разступился. чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидеса гора велика льду стала и, дондеже ураженіе бысть, азъ сталъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, падше, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и пролубка содвигнулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокидѣ моей такъ часто у меня бывало. Идучи или нарту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню или часы, — что прилучится; — а буде въ людехъ бываетъ неизворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моего не любятъ, и, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступа людей, подъ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца поговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ саняхъ ѣдучи, въ воскресные дни, на подворь-

яхъ всю церковную службу пою; и въ рядовые дни, въ сѣняхъ ѣдучи, пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко а таки поворочу; якоже тѣло алчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити: тако и душа, отче мой Елифаніе, брашна духовнаго желаетъ, не гладь хлѣба, ни жажда воды погубляетъ челоувѣка, но гладь велій челоувѣку, еже, Богу не моляся, жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ,—аще не соскучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовымъ, азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ,—отъ немощи и отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ; всего мало стало, токмо павечерные псалмы да полунощницу, да часъ первый, а больше того ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь; оправилъ томъ тужу, а принять его не могу, а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ въ лѣсъ по дрова, и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачуть; Аграфена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ рыдаетъ; связавшуся языку его, ничего не промолвить, мычить къ матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ; и я отдохнуль и съ молитвою приступивъ къ робяти, рекъ: «О имени господни повелѣваю ти,—говори со мною, о чемъ плачешь!» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, свѣтленекъ, за языкъ—отъ держалъ меня и съ матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говоритъ: «скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правилъ, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; и буде правила не станеть править, о немъже онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умреть.» Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбылося. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобы и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, а то были дожди безпрестанно, ячменцу было сѣяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгнилъ было отъ дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ поспѣлъ. Чудо таки! Сѣянь поздно,

а поспѣлъ рано! Да и паки бѣдный коварничать сталъ о божіемъ дѣлѣ: на другой годъ посѣялъ было много, да дождь необыченъ изліяся и вода изъ рѣки выступила и потопила ниву да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того николи вода тутъ не бывала, а иноземцы дивятся. Виждь: какъ поругалъ дѣло божіе и пошелъ странною, такъ и Богъ къ нему страннымъ гнѣвомъ, сталъ смѣяться первому тому извѣщенію. Напоследокъ ребенокъ—де вѣсть захотѣлъ и такъ плакалъ, и я су съ тѣхъ мѣстъ за правило схватился да и по сія мѣсть тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надо бы вся сія помнить и не забывать: всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и просто, и не мѣнять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видать они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни състь на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а дружище наше старое Феодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячину. У свѣта моей и Федосья Прокофьевны Морозовы не выхѣда жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославскія покойницы всегда же въ дому былъ; и къ Феодору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ то съ полгода жилъ. Днѣ вижу; ако церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ;—паки заворчалъ, написалъ царю многоу паки; чтобъ онъ старое благочестье взыскалъ и мати нашу общую; святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы Патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто вѣлика и отступника, Никона, злодѣя и еретика. И тогда письмо изготовилъ; закемоглось мнѣ гораздо; и я вы-

слазь царю на переѣздъ съ сыномъ своимъ духовнымъ, съ Теодоромъ Юродивымъ, — что послѣ отступники удавили его Теодора на Мезени, повѣся его на висѣлицу. Онъ же съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновеніемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подъ красное крыльцо: не вѣдай, что мое. А опосля, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божіею волею желѣза распалися на ногахъ предъ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ гудномъ събъ на подъ и, крошки въ печи собираючи, яствъ такъ черницы ужаснулись и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ шитрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь, пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришелъ, и съ тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить, любо мнѣ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прѣлестной службѣ ихъ ходить. И нынѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти—де на тебя жалуются, церкви—де ты запустошилъ: повѣдь—де въ ссылку опять» — сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повѣзли на Мезень; нахавали было кое-что во мнѣ христово: люди добрые много, да и все осталося тутъ, токмо съ женою и съ дѣтми и съ домохадцѣю повезли. По городамъ паки людей божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ зѣврей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора годъ державъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сына со мною Иванъ да Проконій, съехали же, а протопопца и прѣчія на Мезени осталися всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ начальъ въ Пафнугтьевъ монастырь; и туда присылка была, что же да тоже говорить: «долго ли тебѣ мучить насъ? сбединись съ нами, Аввакумушко!» Я отрицался, что отъ бѣсѣвъ, а они лезутъ въ глаза; сказку нѣтъ тутъ съ бранью большою

написалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ Космою и съ подьячимъ двора патріарша. Козма той,—не знаю, коего духа человекъ,—въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: «Протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы». И я ему говорилъ супротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу; и онъ говорилъ: «нельзя! Никонъ опуталъ меня»;—просто молвить, отрекся предъ Никономъ Христа, такъ уже обѣдной не можетъ встать. Я заплакалъ, благословилъ его горюна, больше того мнѣ нечего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, проживъ 10 недѣль въ Пафнутевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносъ меня и діакона Феодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ супротивъ: зѣло было ми тяжело въ обѣдню ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу, къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги божіи отрѣзали у меня; чему быть? волки то есть: не жалѣютъ овецъ, оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у Поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволь: что на нихъ и пѣнать? Не имъ было, а быть же было инымъ; писанное время пришло по Евангелію: *Нужда соблазномъ пріити*, а другой глаголетъ Евангелистъ: *Невозможно соблазномъ не пріити; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ*. Видь, слышатель: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускаетъ Богъ, даже избранніи будутъ, даже разжегутся, даже убѣлятся, даже искусніи явлени будутъ въ васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервленить ю кровію мученическою. Добро ты, діаволь, выдумалъ, и намъ то любо Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе пристѣшеніе бысть; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящещи. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моя походилъ и, постовавъ, опять пошелъ изъ монас-

тыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе сверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня; о томъ много говорить: Богъ ихъ простить! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущей вѣкъ, моли-тися мнѣ подобаесть о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; діаволь между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молитися пріѣзжалъ и ко мнѣ просился въ темницу; иво не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой боится Бога, сиротинка христова: не покинетъ его Христось. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человекъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ діаволь лихъ, что вѣтъ сдѣлаешь, коли Христось попустилъ? Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожемъ били, какъ Исаію сожгли, а боярыню ту Федосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили и ее мучать, и сестру ея Евдокію, бывше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели; и его князя Петра Урусова на другой-де женили, да что вѣтъ дѣлать? Пускай ихъ миленькихъ мучать; небеснаго жениха достигнуть; всяко то Богъ перепроводитъ вѣкъ сей суетный и присвоить къ себѣ женихъ въ небесный чертогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита выняли напоследокъ 60 пудовъ да домру, да иныя тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творять; согрѣшилъ, простите, не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители; у сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на порогъ посидѣть; и онъ меня наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришелъ, разболѣлся, масломъ соборовали и

причащали и тогда сега вздохнетъ. То было въ понедѣль-
никъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника приде къ нему мужъ
во образъ мой, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, пока-
дивъ его, и за руку взявъ, воздвигнулъ и бысть здоровъ. И
притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Илучи,
говоритъ; «Блаженна обитель: таковыя имѣть темницы! бла-
женна темница: таковыхъ имѣть страдальцевъ! блаженны и
узы!» И палецъ предо мною, ухватился за чепъ и говоритъ: «прос-
ти, Господа ради; прости, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ
тобою: оскорбилъ тебя и за сіе наказа мя Богъ.» И я говорю:
«Какъ наказалъ? повѣжда ми.» И онъ паки: «И ты де самъ,
приходя и покадя меня, пожаловалъ и подыалъ, что де за-
пяраешься.» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «Я, ба-
тюшко государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и по-
клонился тебѣ; ты и пошелъ сюда.» А я ему заказалъ, чтобъ
людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спра-
шивался, какъ ему жить впредъ по Христвѣ: или де мнѣ ве-
лишь въ пустыню идти? Азь же его, понаказавъ, и не ве-
лѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втай держалъ
старое преданіе отеческое. Онъ же, поклоняся, отыде къ
себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людѣ же
безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще бла-
гословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и
пользую словомъ божіимъ; въ тѣ времена и врази кон были,
и тѣ примирились тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ?
Писано: *«Горе ему же рекутъ добре вси челоуцы;»* воисти-
ну не знаю, какъ до краю доживать, добрыхъ дѣлъ имѣть, а
прославилъ Богъ; то вѣдаетъ Онъ, воля Его.

Тутъ же пріѣзжалъ ко мнѣ втай съ дѣтми своими Тео-
доръ покойникъ, удушенной мой и спрашивался со мною:
«какъ де прикажешь мнѣ ходить, въ рубашкѣ ли по старому
или въ платьѣ облещиса? Еретики де ищутъ, погубить меня
хотятъ. Былъ-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа
на дворѣ и зѣло де онъ Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день
коль плетми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, при-
нуждая къ новому антихристову таинству; и я де уже изнемогъ,
въ нощи моляся, плачу, говорю: «Господи! аще не избавишь
мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворить!»

и много плачучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза все гризнули съ меня и дверь и отперлась и отворилась сама. Я де; Богу поклонясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; а де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино погоня на лошадяхъ, трое человекъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня; а де надѣюсь на Христа, бреду таки впередъ; по малѣ-де они ѣдутъ на встрѣчу ко мнѣ, дають мена: «ушелъ-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?» Да и опять-де пробѣжали, не видали мена. И а де нынѣ къ тебѣ спроситься прибрелъ, туда ль мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ, — удавили на Мезени, повѣся на вислицу. Вѣчная ему память и съ Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои! пострадали за Христа: слава Богу о нихъ! Зѣло у Θεодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день родствуется, а ночь всю на молитвѣ со слезами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося, — въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ: и много часъ другой полежить да и встанеть, тысячу поклоновъ отбросаетъ да сядетъ на полу, а иное стоя, часа съ три плачетъ, а я таки лежу, иное сплю, а иное не можется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: «долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ соромъ нѣтъ?» И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой батюшко!» Ну таки вытащить какъ нибудь меня; сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ миленькой былъ съ перетуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ, а кишки перемѣряетъ: и смѣхъ съ нимъ и горе! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ, — я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради, сказывалъ: «какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де въ тѣ поры тяжело бываетъ; по кирпичью тому ногами тѣми стучаешь, что кагань-

емъ; а на утро опять не болятъ.» Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему подробно разсказалъ про новыя книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была; да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончалъ; не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Аѳанасьюшко, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москвѣ въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеса святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Θεодора посмирнѣе и въ подвигъ маленько покорооче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и ходять и плачеть, и съ кѣмъ молвить, у него слово тихо и сладко, яко плачеть. Θεодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду; да пускай ихъ! Какъ жили, такъ скончался, о Христвѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитнѣ. Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многожды въ Чудовъ поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христомъ. Последнее слово ко мнѣ реклъ: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Лахи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣмъ персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христвѣ отвѣщаль сице: «Вселенствіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Лахи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двѣма персты крестились и

благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антиохійскаго, Θεодорита, блаженнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывшій соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же слагая персты, крестится и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменосцы Гуріе и Варсоноіе, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ.»

—И патріархи задумались и наши, что волченки, завыли, облевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глупы де были и не смыслили наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрять? они де грамотѣ неумѣли!» О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толкая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: побранилъ ихъ, сколько могъ и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій, отъ ногъ своихъ отрасаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ творяи волю Божию, нежели тьма беззаконныхъ.*»

Такъ на меня и пуще закричали: «возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ;» да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человекъ съ 40 ихъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралось. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч...*, а вы, убивши человекъ, какъ литоргисать станете?» Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»: говорю имъ. Такъ они смѣются: «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны.» Потомъ какъ пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Евфимей, чудовской келарь, молвилъ: «Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою;» да и повели меня на чепъ; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лаваръ и много Епископій стародъ
острижены и обруганы что мужички дорешонскіе, миленькіе!
ужному человеку помядѣть, да лишь заплакать, на нихъ глядя;
да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить? (Христосъ и лу-
чше ихъ былъ да тоже ему свѣту нашему, было отъ предѣ-
ковъ ихъ; отъ Анны и Камаѣ; а вышнихъ и дивить не-
чего: съ образца дѣлають; потужить надобно о нихъ бѣдныхъ!
Увы бѣдные Никоніане! погибнете отъ своего злаго, и непо-
кориваго права!

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насъ на Андреев-
ское подворье, таже въ Савину слободку; что, за разбойника-
ми стрѣльцовъ войско за нами ходить и срать провезаютъ; и
свѣхъ и горе, какъ то омрачилъ діаволь!

Таже къ Николѣ на Угрюшю; тутъ государь прислалъ ко
мнѣ голову Юрѣя Лутохина, благословенія ради, и кое о
чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву,
на Никольское подворье и взяли у насъ о правотѣри, еще
сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присланы
были, Артемонъ и Дементій, — и говорили: мнѣ царевымъ гла-
голомъ: «Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное, и
богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ
царицею и съ чады: помолися о насъ»: — кланяючися, послан-
никъ говорить, и по немъ всегда плачу; малъ мнѣ сидно, его,
и пяки онъ же: «пожалуй де, послушай меня; соединись со
вселенскими тѣми, хотя не большимъ члѣмъ.» И я говорю: «аще
и умрети ми Богъ изволить, со отступниками не соединюся.
Ты, — реку, — мой царь; а шимъ до: тебя какое діло? своего, —
реку, — царя потеряли, и тебя проглотить съуды, приволоклся.
Я, — реку, — не сведу съ высоты небесныхъ рухъ, дондежа. Богъ
тебя отдасть мнѣ.» И много въхъ прислають! было кое о немъ
говорено; последнее слово рекъ: «гдѣ де ты не будешь, не
забывай насъ въ молитвахъ своихъ.» Я и шить, грѣшный,
елико могу, Бога молю о немъ. Таже, братію казня, а меня
не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ
къ Царю два посланія; первое невелико, а другое больше;
кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія
нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; замо чтый да разумѣ-
еть. Еще отъ меня и отъ братіи діалогово свисаніе послано

въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *отвѣтъ правосла-
внымъ* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней
правда о догматахъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря свя-
щенника посланы два посланія царю и патріарху, и за всѣ сія
присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ челоувѣкъ, дѣ-
тей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Феодора Юродиваго
да Луку Лаврентьевича, рабовъ Христовыхъ. Лука то мос-
ковскій жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единочаденъ,
усмарь чиномъ, юноша лѣтъ въ полтретьдцать: прїѣхалъ на
Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда бысть въ дому
моемъ всегубительство, спросилъ его пилать: «Какъ ты му-
жикъ крестишься?» Онъ же отвѣща смиренномудро: «Я такъ
вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный,
протопопъ Аввакумъ!» Пилать же повелъ его въ темницу
затворити, потомъ положи петлю на шею, на релѣхъ повѣ-
силъ. Онъ же отъ земныхъ на небесная вииде; больше того
что ему могутъ сдѣлать! Аще и младъ, да по старому сдѣлалъ,
пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался!

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана
и Прокопія, велѣно же повѣсить; да они бѣдныя оплошали
и не догагались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити; испугався смер-
ти, новинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю
живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти смерть! Кайтеса,
сидя, дондеже діаволь иное что умыслить! Страшна смерть, не-
дивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, ишедъ вонъ,
плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть; а на робятъ и
дивить нечего; моего ради согрѣшенія поущено имъ изнемо-
женіе; да уже добро! быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ
насъ спасти и помиловати!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ
въ Пустозерѣ; прїѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку;
сиде речено: *юды и мѣсла* и паки: «мы святыхъ отецъ пре-
даніе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ това-
рищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ го-
ворено многонько и Никону, заводчику ересемъ, досталось
небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ, и, прочеть,
назадъ меня отвели, не казня въ темницу. Чли въ наказъ:

«Аввакума посадить въ землю въ срубъ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не ядше, и не ялъ дней съ осмь и больше, да братія паки ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и паки говорить безъ языка; таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителя лево неизмѣнно. Мнѣ су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все; безъ языка, а не болитъ. Далъ Богъ по временнѣ часъ исцѣляло; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнился два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ и паки говорить безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицаая.

По семъ взяли священника пустытника, инока схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухъ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обретеса во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлить и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, все вѣтъ въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніи ока воскресить, да кто о томъ разсудити можетъ, Богъ бо то есть: новое творить и старое поновляетъ. Слава ему о всемъ!

По семъ взяли діакона Феодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накося рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а опослѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало

здорово, и говоритъ ясно и чисто противъ прежняго. Также осыпали насъ землею, струбъ въ землѣ и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками; стражіе же предъ дверьми стражаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящій въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ божіимъ пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матеръ Вирсавію: *«Се еси добра прекрасная моя; се еси добра любимая моя; очи твоя горятъ, яко пламень огня; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся въ красоту сіяешь, яко день въ силу своей.»* Таже поѣхалъ пилать отъ насъ; на Мезени достроя, возвратися въ Москву, и прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Аврааміи сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христоръ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ реченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ.* Смотри, слышателью: волею зоветь Христоръ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарской Богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: *«Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити».* А нашъ Христоръ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учителя явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковыже. Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ зломъ творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ.* Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчатся, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцнма христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, якоже пріахомъ отъ

святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ царство небесное дома родилось: Богъ благословить, мучася за сложеніе перстъ; не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христъ уирети готовъ. Аще я и несмысленъ гораздо неученый человекъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; не блюди еретикъ не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали(?) А то удумали ео диаволомъ книги перепечатать, вся переменить, крестъ на церкви и на просфорахъ переменить; внутрь алтара, молитвы іерейскія откинули; ектеніи переменяли, въ крещеніи духу лукавому молиться велеть. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водить, также и церкви святятъ противъ солнца же и бракъ, вѣнчавъ, противъ солнца же водать: явно противно творять. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицатися не хотятъ. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горячая долу быша! Какъ говорилъ Никонъ, адовъ пѣсъ, такъ и сдѣлалъ: «печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ су и сдѣлалъ да больше того нечѣмъ переменить, умереть за сіе всякому подобаеть. Будьте они прокляты океаннныя, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! По семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: нво было кажется про житіе то мнѣ не надобно и говорить, да прочтохъ дѣяніа апостольская и посланія Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаеть въ нихъ *не намъ, Богу нашему слава*; а я ничтоже есмь. Рекохъ и паки рекохъ: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человеку лицемеръ океанный; простите же и молитесь о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтущихъ и слушающихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣлаю я, те людямъ и сказываю; пускай Богу о мнѣ молятся, въ день вѣка вся же тамъ познають содѣланная мною или благая или злод. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектикъ, реторикъ и философін, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ,

якоже и Апостолъ глаголетъ: *еще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, стлупилъ, отца своего заповѣдь преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть, все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа, митрополита, да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользоваться прочитая и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и приказалъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю его на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимій: зѣло грамотъ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ, напоследокъ взятъ былъ къ большой царевнѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ женою скончался. Сеи Евфимій лошадь сію помѣлъ и кормилъ и гораздо объ ней прилежалъ, презирая правило многожды. И видѣ Богъ неправду въ насъ съ братомъ, — яко неправо но истинѣ ходимъ; я книгу промѣнялъ, отцеву заповѣдь преступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилежалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: и лошадь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, всегда мокра и заѣжжена и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляетъ насъ. И въ день недѣльный послѣ ужина въ келейномъ правилѣ на полунощницѣ братъ мой Евфимій говорилъ каѣзиму непорочную и завопи великимъ гласомъ: «призри на мя и помилуй мя!» и испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю; отъ бѣсовъ пораженъ бысть, начать кричать и вопить гласы неудобными: поможе бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому же моемъ, иные родные два брата, Косма и Герасимъ, больше его, и не могли удержать его, Евфимія, и всѣхъ домашнихъ челоуѣкъ съ 30, держа его, и рыдаютъ и плачутъ, вопіюще ко Владыкѣ: «Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою прогнѣвали Твою благостыню! прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего за молитвы святыхъ отецъ нашихъ!» Азъ же въ то время помощію божіею не смутихся отъ голки той бѣсовскія; скончавше правило, паки началъ молиться Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: «Владычице мой, Пресвятая Богородицѣ! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть

наказанію, да, уразумѣвъ, каися предъ сыномъ твоимъ и предъ тобою, впредъ того не стану дѣлать.» И плачучи послалъ въ церковь по требникъ и святую воду сына своего духовнаго Сумеона,—юноша таковъ же, что и Евфимій: лѣтъ 14 дружно межъ себя живуще Сумеонъ со Евфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляютъ и веселящися, живуще оба въ подвигъ крѣпко въ постѣ и молитвѣ. Той же Сумеонъ плакавъ по другъ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйствовать надъ обуеваемымъ молитвы Великаго Василія съ Сумеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и свѣщу, и воду святую подносилъ, а прочіи держали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь дошла: *азъ ти о имени Господни повелѣваю, душе пльмий и слухий, изыди отъ созданія сего и къ тому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, и дѣше человекъ не живетъ; но токмо Богъ прозираетъ*,—бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуще мучить брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить соромъ? и не смѣю и по старцеву Епифаніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ; возставъ же, ту же Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего! бѣсъ же скорчилъ въ кольцо брата и, прижався изыде, и сѣлъ на окно. Братъ же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очняся, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показываетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его; азъ же покропилъ водою окно и бѣсъ сошелъ въ жерновный уголь. Братъ же и тамъ его показываетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттолѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указываетъ, азъ же и тамъ тою же водою, братъ же указалъ подъ печь и самъ перекрестился, и азъ не пошелъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою брата во имя господне. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, сице ко мнѣ пролагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковь по книгу и по воду ходилъ, пособлялъ тебѣ биться

съ ними, подобіемъ онъ, что и Симеонъ же другъ мой, подлѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любить, такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я реку свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль: «какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнял ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатищахъ живеть, будетъ тебѣ бить челомъ.» Азъ же паки далъ ему святыя воды, онъ же и судно у меня отнимаетъ и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить, ночь всю зимнюю простряпалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ въ церковь заутреню пѣть; а безъ меня бѣси паки на него напали, но легче прежняго. Азъ же, пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятилъ и паки бѣси отъидоша, и умъ цѣлъ сталъ; но дряхлѣ бысть, отъ бѣсовъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттолѣ боится, егда куда отлучуся, и бѣсы навѣтовать ему стануть. Бился я съ бѣсами, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже взялъ книгу и деньги за нея отдалъ и сходилъ къ другу своему, Иларіону игумену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда добро жвлъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской; инымъ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ и умолили Бога о насъ грѣшныхъ и освобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди господня? Охъ! да только огонь да муки; не знаю, дни коротать какъ. Слабоуміемъ объятъ и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь; братоненавдѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ; во осужденіи всѣхъ чловѣкъ погибаю и, мняся нѣчто быти я, калъ и гной есмь окаянный, прямое говно, отвсюду воняю душею и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онѣ воняють, что и моя душа злосирадною вовею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко песь мертвый поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землю меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей добро такъ! да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московской стрѣ-

лецъ караульщикъ мой, остригъ его азъ и вымылъ и платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замкнуты мы съ нимъ двое жили и третій съ нами Христось и Пречистая Богордица. Онъ миленькой бывало сереть и ссытъ подь себя, а я его очищаю; ѣсть и пить просить: а безъ благословенія взять не смѣеть, у правила стоять не захочеть: діаволь сонъ ему наводитъ, и я постегая четками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станеть, при мнѣ бѣснуется и шалуеть а, егда ко старцу пойду, посмотрѣть въ его темницу и его положу на лавку, не велю ему вставать и благословлю его и, покамѣсть у старца сижу, лежить, не встаетъ, Богомъ привязанъ: лежа бѣснуется. А въ головахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квась и прочая, а ничего безъ меня не тронеть; какъ прійду, встанеть и діаволь мнѣ досаждаеть и блудить заставляеть; я закричу, такъ и сядеть. Егда стряпаю, въ то время ясть просить и украсть тщится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ *отче нашъ* проговорю и благословлю, такъ того брашна и не ясть, просить неблагословеннаго; и я ёму силою въ ротъ напихаю, а онъ и плачеть, и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ въ немъ вздивѣячится и самъ изъ него говоритъ: «ты же де меня ослабилъ»; и я, плакався предъ Владыкою, опять постомъ стягну и окричу его Христомъ, таже масломъ его освятилъ. И отрадило ему отъ бѣса, жилъ со мною съ мѣсяцъ и больше, предъ смертью образумилса; я исповѣдалъ его и причастилъ. Онъ же преставилса миленькой скоро, и я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребсти у церкви, попомъ сорокоустъ далъ, лежалъ у меня мертвый сутки и я, ночью вставъ, помола Бога, благослова его мертваго и съ нимъ поцѣловався, овятъ подлѣ его спать лягу: товарищъ мой миленькой былъ. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру!

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали; какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ; понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ, гораздо билса и дралса и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшныи со крестомъ и съ водою прійду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крес-

томъ христовымъ и ничего не смѣетъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Феодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради христовы отступники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Ісусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучашеся отъ дому, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились, діаволъ ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо, опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Также бѣсъ вздвигалъ въ Филиппѣ и началъ чепъ ломать, бѣсаясь, и кричать неудобно: на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть и всяко меня яко паучину терзаетъ, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки». Я токмо молитву говорю да безъ дѣлъ не пользуется и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ! Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»; мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсъ, — реку, — надъ мною волю взялъ». Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей въ землю кланяясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости мя грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фетиніею тѣмъ же образомъ простился; таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачучи, стегали; а я говорю: «аще кто бить меня не станетъ да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ». И они нехотя бьютъ и плачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ

неминуемую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и а крестомъ его благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ и потомъ исцѣлялъ божіею благодатію о Христвъ Исусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѣхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшеннаго, Феодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ: «соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша праздникъ, — жена его сказывала, — да и взбѣсился». И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужалъ объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помиловалъ Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣля. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крылосѣ и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробои, пуще перваго взбѣсясь, въ обѣдную ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ и, сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣвъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердась, многими людьми въ тюрьму оттащили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣлъ его въ деревню къ женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы осердась. Я но немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велѣно меня сослать съ Тобольска на Лену, великую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Феодоръ цѣлоумень; на дощеникѣ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говорить: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! но пустынь-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де нрочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословенія отъ тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величїи божїи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ. Господь его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословя, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божїа свѣта, да сохранитъ его и впредь отъ непрїязни. А назадъ я ѣдучи, спрашивалъ про него, и мнѣ сказа-

ли: «преставился—де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми»; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовымъ; вы мя понудите сіе говорить, а однако ужь развякался; еще повѣсть вамъ скажу, какъ въ попахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили.

Была у меня въ дому моемъ вдова молодая, давно ужь и ния ей забылъ, помнится Аѣимьею звали: ходитъ и страпаетъ и все хорошо дѣлаеть; какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ее бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣеть вся, яко камень станеть и не дышитъ, кажется: растянеть ея среди горницы и руки и ноги, лежитъ яко мертва. И я о *осеннюю* проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Василиевы въ это время говорю; такъ голова подъ крестомъ и свободна станеть, баба и заговоритъ, а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукъ поглажу крестомъ, такъ и рука свободна станеть; я и по другой, и другая также освободится; и по живогу, такъ баба и сядеть; ноги еще каменны, не смѣю туда крестомъ гладить. Думаю, думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна станеть. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челомъ, покуда таки ни бѣсъ ни что былъ въ ней много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ее святилъ, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе Богъ далъ. А иное два Василиа у меня бывали прикованы бѣшеные, странно и говорить про нихъ: какъ свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато кажется да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Авною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всею міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволь добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла; привезена изъ полону изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, діаволь окралъ: захотѣла отъ меня отъйти и за перваго хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Госнодь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о покловахъ не стала радѣть: егда станемъ правило гово-

рять, она на мѣстѣ станетъ, прижавъ руки, да такъ и простоятъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нея: въ правилѣ стоящу ей, да и възбѣсится, и мнѣ бѣдному жалъ: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ и отступитъ отъ нея бѣсъ. И многожды такъ бысть. Она же единиче въ безуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благодитрый же бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и повалилась на лавку спать и три дни и три нощи спала, не пробудаяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда и всегда вздохнетъ, чаю умереть; въ 4 день очнулась, съла да плачетъ; ясть ей дають, не ясть. Егда я правило келейное скончавъ и домочадцевъ, благослова, распустилъ, пади начатъ во тьмѣ безъ огня поклоны класть; она же съ молитвою втай приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я, отъ нея отшедъ, сълъ за столъ; и она, приступя паки къ столу и плачущи, говорить: «послушай государь! велѣно тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея: «Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто зѣло гораздо красно и показали-де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ-де краше палата неизреченною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее: ино-де стоятъ столы, и на нихъ послано было, и блюда съ брашнями стоятъ; по конецъ-де стояло древо кудряво, повѣваетъ и красотами разными украшено; въ деревѣ-де томъ птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про нихъ сказать, — каковы умильны и хороши; а подержавъ же меня, паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, нустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего, пророка Аввакума палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ называетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всежъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ давишемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе то слышала; скажи же отцу своему: мы небеси водили тебя, смотри у насъ паворты, бѣси де не имѣютъ того, и-я де батюшко, сметрѣла, было у ушей

тѣхъ ихъ». Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла постригнися, а дѣволъ опять сдѣлалъ по своему. Пошла за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8 лѣтѣхъ слышала, что я ѣду назадъ, отпросилася у мужа и постриглася. И какъ за мужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ее. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяць до меня постриглася и принесла ко мнѣ два дѣтища и, положи предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающесе, безстыдно порицая себя. Азъ, предъ челоуѣки смиряя ее, многожды на нее кричалъ, она же прощается во преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораздо ее утрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла и наваде на нее бѣсъ во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: покини херувимскую пѣснь, взывши отъ престола крестъ и на крылось взошелъ, закричалъ: «Запрещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ бѣсъ мучить ее; Богъ простить ее въ сей вѣкъ и въ будущій». Бѣсъ же изыде изъ нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину; азъ же крестомъ благослова, и съ тѣхъ мѣсть простилъ, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патріарховъ дворѣ вѣри ради и правости закона; довольно волочили и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одержимы грызною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грызною болѣзнію и я масломъ священнымъ съ молитвою пресвитерскою помажу вся чувства и, на руку масла положи, младенцу спину вытру и шуятки и божію благодатію грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ. И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ сотворю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему челоуѣколюбію. Егда я еще былъ помомъ съ первыхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: измеюгла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ

же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь ноцію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришолъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не усташася, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, устрашая меня; азъ, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все; ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня, азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступа; а онѣ по старому висятъ, потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково-то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшенными и больными не творить божію благодатію? да намъ надобѣ помнитъ сіе, не насъ ради, не намъ, но имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще не Христось? Плакать мнѣ подобаеть въ себѣ; Іуда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, и самъ діаволъ на небѣ былъ, да высокоумія ради сверженъ бысть; Адамъ былъ въ раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. По семъ разумѣя всякъ, да мнѣйся стоять, блюдется, да ся не падеть; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо!

Ну, старецъ, моего вяканья вѣдъ много ты слышалъ, о имени господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное-тъ удъ, и какъ бѣсо-тъ дрова тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла; а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слунай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко: Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 36 и 42, и величашеса имя

Господа Ісуса, мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ Апостолахъ и въ дѣяніяхъ. Сказывай не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.
